

*Мы уходим с земли. А земля иностранная.
А своя жестока. И на тысячи верст
разметала судьба нас,
одарила случайными странами.
Знайте, путь наш был — ох как не прост.
Валентина Синкевич*

«Вот и снова встреча-прощанье»

Валентина Алексеевна Синкевич, недавно ушедшая от нас поэтесса второй волны эмиграции, была свидетелем истории, сложного и трагического военного и послевоенного периода нашего времени. Она не дожила всего 3 месяца до своего 92-летия. Ее не стало 25 июня 2018 года. Но, несмотря на то, что жизнь ее сложилась трагически, поэтесса сумела пройти свой путь с гордостью, оптимиз-

мом и чувством благодарности Богу за те моменты творческого счастья, которые и составили ее жизнь.

*Все богатство мое земное
в этой вечерне-ночной тишине,
в этом уменье коснуться покоя
строчкой стихов, подаренных мне...*

Она творила добро и люди платили ей добром в ответ. И хотя Валентина долго болела и смерть ее не была неожиданностью, ее уход из жизни был потрясением; чувство большой потери навсегда будет в сердцах тех, кто знал ее, соприкоснувшись с ней и ее талантом.

В этой статье я расскажу о Валентине Алексеевне не только как о поэтессе, но и как о человеке, которого я знала на протяжении трех десятилетий. Несмотря на большую разницу в возрасте, я называла ее «Валюшей» (правда, всегда на «Вы») — это имя ей очень подходило, так как было в ней много теплоты и женственности.

Только за два дня до смерти рассказывала она с гордостью о только что законченных статьях и о своих новых планах — написать для «Нового Журнала» два эссе. Голос у нее такой же молодой, хотя физически она уже сдает — тяжело ходить, мучает высокое давление. 19 июня случился инсульт. Через несколько дней с разрешения Валиных родных мы поехали к ней в больницу. В палате стоял полумрак, и Валино бледное, почти мраморное лицо, резко выделялось в полутемной комнате. Она была снова молодой, с каким-то умиротворенным выражением, и очень красивая, такая же, как и тогда, когда я впервые ее увидела.

Валя была в полном сознании, но говорить ей было тяжело. «...Предсмертные порывы и слова все же дают нам возможность смутно предощутить уже бесплотное движение трепетных теней, загробное дуновение, уносящее отошедших в неведомое», — писал Георгий Меер в статье «Жало и дух. Обморок веры живой» («Посев», 1968). Вспомнились эти слова, и именно такое ощущение испытывали мы, находясь рядом с ней, в полутемной палате, в тот ясный и жаркий июньский день. Валентина Алексеевна ушла в другой мир спокойная и умиротворенная, зная, что на пороге в рай, о котором она писала в своих стихах, ее встретит ангел добра.

Это была моя последняя встреча с Валей. На следующий день она уже не могла говорить, и медленно сознание ее покидало этот мир. Через несколько дней Валентины Синкевич не стало.

Нам, друзьям ее, знавшим ее близко, еще трудно поверить, что Вали нет с нами, что не раздастся телефонный звонок, и она не прочитает нам свои новые стихи, которые писала до последнего дня. Все они были напечатаны ее близким и бесценным другом, Мариной Адамович, в «Новом Журнале».

Валя предчувствовала свою близкую смерть и методично, спокойно, день за днем по мере сил к ней готовилась.

*Портрет Валентины Синкевич
работы В. Шаталова*

*Умирает больная. Медленно.
Тают под утро зори.
Холодно в постели и ветрено.
И лодка терпит бедствие в море.*

*И дети играют мебелью, —
из мебели строят гнезда.
А смерть подползает медленно,
медленно подползает. И поздно*

*пустеет койка больничная.
Дети играют в наследство.
А ей? — ей безразлично —
смерть — болеутоляющее средство.*

«Смерть — болеутоляющее средство» — именно так философски и мудро относилась Валентина Алексеевна к смерти. Прежде всего, она привела в порядок все архивные материалы, составила картотеку своей переписки с литераторами всех волн эмиграции, составила список, кому оставить свои книги, картины... Большая часть ее архивов были переданы в Дом русского зарубежья в Москве, остальное — друзьям на память.

«То было время случайностей и судьбы»

Передо мной шесть книг ее стихов, написанных в разное время, и каждое стихотворение — это память о прошлом, увиденное и пережитое сегодня, запечатленные моменты его долгой и трудной жизни, из которых складывается картина жизни ее на чужой земле, когда мир для нее «расколот был на Запад и Восток». Листая страницы этих поэтических сборников, мы видим судьбу целого послевоенного поколения русских людей, волею судьбы попавших на Запад. Это целая эпоха, о которой повествует поэтесса, отрезок времени, в котором страдали, любили, творили и тосковали они по оставленной родине. Казалось иногда, что выжить невозможно, но помогало творчество и жила надежда. Так вспоминает Валентина свою молодость, проведенную в немецком трудовом лагере:

Мы работали так, потому что велела судьба.

Это — жизнь. И это — борьба.

Топоры рубили и деревья, и камни.

*Искры летели. Мы закрывали ставни,
открывали подвалы, не закрывали глаза,
знали: надвигалась гроза.*

Я писала стихи долго и горько.

*Я писала плохо, но только
не было равнодушных стихов.
Не было на зиму дров,
Ни еды, ни одежды.
Было отчаянье, но была надежда.*

«Было отчаянье, но была надежда» — в этих строчках весь характер Валентины Синкевич, человека оптимистичного, сильного и волевого. Только такому человеку можно было выжить в тех условиях, в которых находилась молодая поэтесса во время войны. Вчитываясь в волнительные строки ее поэзии, мы можем понять ее духовное состояние, тревогу, порой чувство одиночества, душевное волнение, беспокойство за будущее и тоску по России. Но даже в ее ностальгических строках есть элемент оптимизма:

*Пора принять нам жребий
И честно с собой говорить.
Тоска? Что бывает нелепей!
Не лучше ль покорно поплыть
к единственной видимой цели —
перу и бумаге в столе.
Когда-то нас вспомнят: мы пели
на этой красивой и страшной земле.*

Впервые я увидела Валу в 1981 году на вечере «Нового русского слова» в Филадельфии. Она сидела на сцене рядом с Андреем Седых, писателем, главным редактором газеты и бывшим личным секретарем Ивана Бунина. Как говорил Яков Моисеевич (Андрей Седых), Валентина напоминала ему своей внешностью Галину Кузнецову, последнюю любовь Ивана Бунина. Высокая, статная, с ярко-синими глазами, Валя мне сразу запомнилась. И — о, чудо! На следующий день я встречаю ее в библиотеке Пенсильванского университета, в котором, как оказалось, мы обе работали. Так началась наша дружба.

Как я узнала, стихи Валя писала обычно по ночам. Она говорила, что это бессонница, но нет, это вдохновение, которое приходило к ней после рабочего дня, когда в тишине дома она могла записывать наплывающие строки.

*Я пишу. И бессонные стены,
Сквозь гардины прозрачный забор,
Снова смотрят и смотрят бесменно
Электричеством прямо в упор.*

А потом были длинные телефонные разговоры. Телефон был для Вали связью со всеми мирами — друзьями из разных стран. Он стоял всегда рядом на тумбочке, у книжной полки: «У книжной полки / Лет уже сколько / Стоит телефон на столе. / И я звоню, отвечаю, / Уезжаю, причаливаю, / К трубке припав, / Как к земле».

Мы обе ложились спать поздно, и все наши разговоры начинались в полночь. На книге «Здесь я живу» Валя оставила мне такую надпись ровно 30 лет назад: «Дорогой Леночке на память о нашей дружбе и долгих телефонных разговорах. Валя Синкевич. Октябрь 1988 г.». И еще из другого стихотворения «Телефон»:

*И он звонит, говорит, отвечает,
плачет, радуется, горит,
и свет дневной проникает
в сердце каменных плит...*

Валя читала мне свои последние стихи, рассказывала о себе. Постепенно я узнала от нее о ее трагической судьбе. Она повествовала об этом спокойно, будто не о себе, а о ком-то другом, пережившим насильственную репатриацию в Германию, лагеря для перемещенных лиц. Она говорила о том, как 15-летней девочкой угнали ее немцы на работы в чужую страну из маленького украинского города Остер («а я всё шла, не понимая, / что был тот день моей судьбой»), а дома остались старшая сестра Ирина и мать. Отца, юриста по образованию, не стало раньше, он умер в 50 от разрыва сердца — жил в постоянном страхе ареста, как и многие в те страшные годы, «умер в кромешное время, / целовавшее насмерть и в губы, и в темя, / целовавшее насмерть таких, как он...» Вспоминать об этом Валентине было нелегко; всё пережитое выплескивалось в строки стихов:

*А день по-прежнему светел.
И ветер уносит пепел
тех лет и тех бед,
будто их не было. Нет.
Будто бы ветер навеки стёр
горькое, острое слово —
Остёр.*

Валентина родилась в Киеве, но, спасаясь от репрессий, семья вынуждена была переехать в Остер, где отец преподавал в школе математику. Там прошло ее детство. Городу детства Валентина посвятила цикл из трех стихотворений, где она описала нелегкую дорогу из Остра в чужую страну Германию, когда впереди была неизвестность, когда «армии шли в поражения», и оставалась «сзади смерть»:

*Граница России. Страница Германии.
Столицы отчаянья. Веревки восстания.
Города, запрещенные сердцу и глазу.
И сразу — белые волосы матери...*

Товарный поезд уносил девочку все дальше и дальше от дома, от любимых книг, от родной речи из России, которая навсегда осталась в сердце, уносил в неизвестное будущее: «А поезд товарный — вагон и вагон, и вагон — / Шел от дома, где старый остался альбом».

Ни сестры, ни матери Валентина так никогда больше не увидела. Как она узнала позже, сестра погибла до окончания войны, а мать — за три месяца до получения долгожданного письма от дочери, так и не узнав о ее судьбе. Как объяснила Валентина, раньше писать боялась, чтобы не причинить неприятностей сестре и матери. Воспоминания о них хранила она в старом альбоме:

*Пыльные фотографии,
строки и на них — эпитафии.
Глаза, ожидавшие встречу,
но время не шло навстречу,
и с грохотом ехало мимо
от Сталинграда и до Берлина.*

В 1950 году с мужем и маленькой дочерью ей удалось приехать в Америку, но и здесь первые шаги в чужой стране были трудными. Сначала приходилось работать физически, убирать чужие дома. Однако в начале 60-х, после запуска первого космонавта, появляется интерес к русскому языку, и Валентина получает работу в библиотеке университета штата Пенсильвания, где она проработала до пенсии. К чужой стране она привыкла быстро, прекрасно овладев английским. Американские поэты считали Валентину своей поэтессой, однако, она была поэтессой глубоко русской и в душе оставалась такой до последнего дня.

*Что сказать о своем житье?
Да, к небоскрегам привыкла.
И даже в русском моем нитье
чужестранная нота выпукла.
Я чужбинную ноту пою —
насквозь, надрывно и томно
в небоскрёбно-бетонном раю —
птицей на ветке темной.
Так пою, что не знаю сама —
где я? Откуда я?
Только пыль, да ковыль,
на дороге сума...
Эх, не сойти бы с ума,
в русский платок плечи кутая.*

Только в 1989 году, после более чем 45-летнего перерыва, возвращается поэтесса в Россию и физически, и стихами. Возвращается, чтобы положить цветы на могилу так никогда и не дождавшейся ее матери, на могилу погибшей сестры и рано умершего отца. Позже Валентина еще несколько раз приезжала в Россию, где ей всегда оказывали теплый прием. На ее вечера поэзии собиралось много поклонников и поклонниц ее таланта. В те посещения страны завязались новые

знакомства, появились новые друзья, а издаваемый ею альманах поэзии «Встречи» пополнялся стихами российских поэтов.

Валентина рассказывала мне об эмигрантской литературе, о ежегоднике поэзии «Встречи», который она издавала. Я слушала, впитывала в себя историю русской эмиграции, о которой там, в России, практически ничего не знала. С Валиных рассказов началась моя любовь к поэзии русской диаспоры. А на следующий день, обе не выспавшиеся, снова встречались в обеденный перерыв, и опять разговоры о поэзии или походы в библиотеку к полкам с русскими книгами. Кажется, не было в русском отделе книги, которую мы бы не прочитали и не обсудили. В одном из своих стихотворений она правдиво заметила: «Я дышу, покуда книги дышат».

Валя часто жаловалась, что стихи ее не понимают, что до сих пор она не признана как поэтесса. В то время она писала об этом в одном из своих стихотворений:

*Меня не хвалили и не лелеяли,
надчертицей я нелюбимой была.
И Муза моя, моя Лорелея,
Будто в болотце где-то жила.*

*Но я говорила то, что хотела,
и так, как хотела, строчку вела.
И были в ней дух и душа, и тело,
всплески весла и взмах крыла.*

Да, действительно, стихи ее были слишком модернизированными для того времени, в котором она жила. На ее первый сборник «Огни» написали положительные рецензии И. Одоевцева и Ю. Терапиано. Валентина часто рассказывала с улыбкой о таком случае: отправила она свое стихотворение в газету «Новое Русское Слово», где были слова о кровинках, стекающих по белому мрамору. В газете, вместо кровинок, было напечатано «коровки». Расстроенная Валя позвонила главному редактору газеты: «Яков Моисеевич, побойтесь Бога, какие коровы стекают по белому мрамору?». Яков Моисеевич, очень тепло относившейся в поэтессе, успокоил ее: «Валюша, не расстраивайтесь, мы стихи печатаем на глаз, да их все равно никто не читает».

Хотя побитый ритм и музыка ее стиха отличались от поэзии русской традиционной, Валентина оставалась поэтессой глубоко русской.

*Хватит ли тем без России? —
спросили.
Затем: Сможешь сберечь
русскую речь
без России, —
спросили.*

*Ответила: Да.
Навсегда.
Ведь я из России.*

Она — поэт сложный, опередивший наше поэтическое время. Стихи ее другие, ни на чьи не похожие. Это не стихи размышления и не философская лирика. Ее поэзия — это искренний рассказ об увиденном и пережитом. Валентина никому не подражала, не экспериментировала, не искала особой формы, не изобретала. Ее стихи выливались единым целым, музыкальные или с неровным ритмом, они всё же удивительно гармоничны и целостны:

*Вот так пишу, а не иначе.
Пусть почерк мой для многих
ничего не значит.
Пусть — неразборчив и тяжел,
Но он от сердца шел
Стезей прямою.*

Об альманахе «Встречи»

В 1984 году Валя пригласила меня в редколлегию альманаха «Встречи», главным редактором которого она стала в 1983 году. Это было ее любимое детище, ее жизнь. «Много дней сижу над книгами, / читая чужие стихи, бормоча чужие слова», — писала Валентина Синкевич в одном из своих стихотворений.

Сначала альманах назывался «Перекрёстки» и возник он в 1977 году в Филадельфии. Под этим названием он издавался до 1983 года. Первая редакционная коллегия состояла из шести человек, Валентина была одним из членов редколлегии. Главного редактора не было. Тоненькая оранжевая книжечка в 64 страницы включала стихи поэтов первой и второй эмиграции, таких как Игорь Чиннов, Ольга Анстей, Иван Елагин, Лидия Алексеева, Дмитрий Кленовский, Николай Моршен и др. — всего 14 поэтов и репродукции двух хорошо известных в эмиграции художников — Сергея Голлербаха и Владимира Шаталова, членов Американской академии художеств. Со временем журнал разрастался. С 1978 года в ежегоднике стали появляться поэты третьей волны.

Энтузиазм Вали и ее любовь к поэзии передались и нам, членам редколлегии. В состав редколлегии теперь входили представители всех трех волн эмиграции. География альманаха охватывала все страны и континенты: Германия, Бразилия, Аргентина, Канада, Израиль и, конечно, Америка. Обложку журнала выполнил Вл. Шаталов, и каждый номер отличался от предыдущего цветом — от ярко-желтого до темно-сиреневого.

На страницах «Встреч» появлялись не только имена известных поэтов, но и художников — Николая Бенуа, жившего в Италии и работавшего в оперном театре «La Scala», Владимира Одинокова, возглавлявшего театральную мастерскую

в Metropolitan Opera, Марка Шагала, Эрнста Неизвестного, Сергея Голлербаха, Владимира Шаталова, братьев Лазухиных, Сергея Бонгарта и др. Интересно отметить, что некоторые художники были и поэтами. Среди них — В. Шаталов, С. Бонгарт, Э. Неизвестный, М. Качуровский, Д. Соложев, А. Туровский, Т. Мамонова и др.

В ежегоднике встречались поэты разных поколений, разных течений и поэтических направлений. Валя часто приезжала ко мне с Владимиром Шаталовым отбирать присланные стихи, просматривать почту, обсуждать содержание следующего номера. Разбирать с Валею почту всегда было занимательно. Стол был завален письмами и стихами, и мы отбирали из всего присланного лучшее. Валентина чувствовала себя первооткрывателем и была счастлива, как девочка, которой подарили желанный подарок, когда она находила нового и талантливого автора.

Каждое хорошее стихотворение, каждое новое имя приносили ей радость. Так в альманахе появлялись имена: Бахыт Кенжеев, Ирина Машинская, Рина Левинзон, Лия Владимировна, Инна Близначева, Андрей Грицман, Вадим Крейд, Дмитрий Бобышев и многие другие. Альманах был единственным домом для эмигрантских поэтов, а его гостеприимная хозяйка — наставницей и учителем. Она была терпелива, доброжелательна, охотно отвечала на многочисленные телефонные звонки. Круг друзей рос — от поэтов и прозаиков первой и второй волн до новоприбывшей третьей волны. «Встречи» были для Вали ее любимым детищем, а поэты — ее самыми дорогими друзьями. Валентина в то время писала о своей жизни:

*Есть друзья, есть книги, и дом не заброшен,
Стихотворения пишутся, издается журнал
на языке, который называется Russian.
Кто предвидел, предчувствовал, знал?*

Валентине удалось подписать на «Встречи» ведущие университеты Америки, чем она всегда очень гордилась. Помогали многочисленные друзья.

Сначала альманах был сугубо эмигрантским изданием, но постепенно стали появляться и поэты из России. Как-то в 1984 году в одной из нью-йоркских газет она прочитала стихи Павла Баби́ча. Я помню, как взволнованно цитировала Валентина мне по телефону его стихи.

*Вечер бубнит, аукает — ночь ли не отзовется...
Посвистом, постуком, шорохом всхлипывает и смеется,
В голос, негромко, шепотом. Вяжет по скосам тени,
В черную гладь реки падая на колени.*

*Александр Рязановский, Елена Дубровина, Валентина Синкевич и Владимир Шталов
при работе над альманахом «Встречи»*

Он стал одним из ее любимых поэтов. Особое впечатление произвела на Валентину судьба Павла. Отец Бабича был почётным полярником, в 1941 году он был арестован и приговорён к смертной казни и, как «изменник Родины», отправлен в лагерь. Он умер в лагере в 1950 году, по официальной версии от «язвы желудка» и реабилитирован был только посмертно в 1965 году. Поиски, размышления, а также встреча с будущей женой — активной диссиденткой — привели Павла Бабича в диссидентское движение. После нескольких «профилактических бесед» и провокаций стало ему ясно, что выход один — эмиграция. Так Павел оказался в Америке. К сожалению, после того, как Павла Бабича парализовало, он перестал писать стихи.

В конце 1980 г. Валентина узнает от поэта и литературоведа Вадима Крейда о трагической судьбе поэта первой волны эмиграции Бориса Волкова, погибшего под колесами автомобиля в 1950 году. Она едет в Калифорнию, находит его забытые стихи и привозит их в Филадельфию.

Стихи Бориса Волкова были напечатаны не только в редактируемом Валей альманахе «Встречи», но и во многих вышедших сейчас в России антологиях. Появляются ее собственные стихи, навеянные судьбой поэта.

*Я по следам иду тяжелой Вашей были,
навстречу мне бегут автомобили,
и в доме русском спит иконостас...
Вы в этом городе, наверное, любили.
Но в этом городе поэта в Вас никто не спас.*

Конечно же, материал поступал в журнал самый разнообразный. Иногда Валентине приходилось вести длинную переписку с авторами, настаивавшими на своей гениальности. Поэтов с «обратной гениальностью» было немало. Одним из таких поэтов, у которого, по его собственному выражению, был «туман в душе, туман в глазах и в голове туман», являлся сейчас уже покойный Александр Ростовский. Однако среди совершенно немыслимого словоблудия у него появлялись иногда и хорошие поэтические строчки. Уверенный в своей непризнанной гениальности, рассуждая о том, какое место он займет в поэтической иерархии, Ростовский писал:

*Уйдите, завистники слова,
Несчастные пни и трусы!
Кто знает, которого снова
Положат из нас на весы...*

На отказ публиковать свои стихи Ростовский отвечал длинными письмами, чтение которых вызывало у нас всегда приступы веселья. Однако, не сдаваясь, он продолжал засыпать Валю возмущенными посланиями, и снова, и снова присылал в редакцию свои опусы. Надо сказать, что Валентина обладала удивительным терпением, помогало чувство юмора. До последнего дня заканчивала она наши обычно длинные телефонные беседы такой фразой: «На этой веселой ноте и закончим наш разговор». Когда Валентина уставала, она всегда с улыбкой цитировала строчку из стихотворения Александра Ростовского: «Душа, как стоптанный башмак, совсем лишилась воспритя».

После смерти Ростовского мы ездили к его вдове, Маргарите Михайловне Шамрай. Жили они под Нью-Йорком в маленьком, очень русском, деревянном домике. Вдова оказалась очаровательной и гостеприимной хозяйкой, хорошо начитанной и с юмором относившаяся к опусам своего мужа. Ей он посвятил свою «лучшую» любовную лирику: «И вот она бежит в прическе! / В румянце влажном вянет клоч, / В золе ресниц, как в платье блески, / И с плеч сползающий платок».

Много таких шедевров сохранила Валя в архивах журнала, и, кто знает, может быть, когда-нибудь они позабавят читателя своей «оригинальностью».

В то время мы часто выступали, представляя альманах в Вашингтоне, Бостоне, Нью-Йорке и, конечно же, в Филадельфии. Обычно аудитория была заполнена. Валя удивительно читала свои стихи — без лишнего пафоса, спокойно, голос — низкий. Она четко, чеканно произносила каждое слово. На сцене Валентина молодела на глазах еще на двадцать лет. Из ее лучистых синих глаз шел свет.

*Зазывают к огню барабаны
и летят мои птицы к югу...
Господи, как это важно —
Мы стихи читали друг другу!*

Вспоминается такой комичный случай — выступление поэтов в Нью-Йорке, в Серафимовском фонде. Был это, наверное, конец 80-х. На трибуне, я помню, сидел писатель второй волны эмиграции Леонид Денисович Ржевский (с которым, благодаря Вале, в дальнейшем меня связывали дружеские отношения), Андрей Седых, Иван Елагин. Рядом с нами, во втором ряду, сидел художник первой волны эмиграции, который был известен тем, что рисовал портреты знаменитостей. Ему тогда уже было, наверное, за 90, но слушал он внимательно и с большим интересом, постукивая при этом от удовольствия об пол своей тяжелой палкой. Наконец, подошла Валина очередь выступать. Она, как обычно, прекрасно прочитала свои стихи, ей долго аплодировали. Когда взволнованная Валентина вернулась на свое место, впечатленный ее выступлением знаменитый художник стукнул об пол своей тяжелой палкой и, наклонившись близко к Валентине, громко спросил: «Скажите, а как фамилия той молодой девушки, которая сейчас выступала?» А Вале в то время было уже за 60.

К сожалению, в 2007 году альманах «Встречи» прекратил свое существование.

В 1992 году Валентина Синкевич издала антологию поэтов второй волны эмиграции «Берега», которая является важным документом, отражающим судьбы поэтов послевоенного поколения русской диаспоры.

Владимир Шаталов

Ее небольшой и очень уютный домик находился на тихой улице, на окраине Филадельфии:

*Кирпичная стена. Балкон. Собака.
Какому знаку зодиака
быть благодарной? К чьей руке
припасть за щедрость этого подарка?
Кирпичная стена. Балкон. Собака.
И ветер гладит по щеке.*

Здесь она писала, редактировала альманах «Встречи», принимала друзей, и часто проводила вечера в одиночестве. Из стихотворения «Здесь живу», написанного в 2000 году:

*Был когда-то у меня кочевой шатер,
был когда-то у меня кочевой костер.
Нет их. Здесь стоит неподвижно дом —
я живу со стихами в нем.*

Дом ее был заполнен книгами, картинами. Как Валентина сама писала в одном из своих стихотворений, «в тесном доме» ее «картины шепчутся ночами».

Валентина Синкевич ценила и понимала искусство и потому тема художника, творца, сжигающего себя на костре собственного творческого пламени, особенно была близка поэтессе. Процесс поэтического творчества для нее самой — это «дрожь, это жар, будто ночью пожар, и светлый феникс из пепла, и снова пожар». Строчки эти перекликаются со стихами другой поэтессы — Анны Ахматовой:

*Это — выжимки бессонниц;
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...*

На стенах дома висели акварели ее первого мужа Михаила Качуровского (наст. фамилия Шиповников), за которого она вышла замуж, еще будучи в лагере ДиПи (лагерь для перемещенных лиц). Муж был на 26 лет старше Валентины. В 1947 году в Германии родилась дочь Анна. Но брак был несчастлив, и в Америке они расстались. Как я потом узнала, М. Качуровский также писал стихи и издал при жизни три сборника. Акварели его были выполнены особой техникой и излучали какой-то неземной, почти потусторонний свет. Его изображения природы отличались теплыми тонами, в которых преобладал небесно-синий цвет. Мне кажется, что в Филадельфии нет такого русского дома, где бы не висела акварель этого необычного художника.

Помню, что у Вали дома над диваном была огромная картина — «Анюта» работы ее близкого друга Владимира Шаталова, с которым прошла почти вся Валина жизнь в эмиграции. Впервые он увидел ее на сцене — Валентина прекрасно исполняла русские романсы. С этого вечера они почти не расставались... Хотя однажды, прослушав пластинки с записями своих выступлений, Валентина навсегда отказалась петь, уничтожив все до одной записи.

Были в отношениях Валентины и В. Шаталова и взлеты, и падения, расставания и перемирия, но ему посвящены ее лучшие стихи:

*Пойми меня, пойми.
Вот эта связь земли с листвою,
вот эта вязь строки живой,
весь этот сплав зверей с людьми,
твой этот зов ко мне одной,
и эта страсть моя к тебе,
и этот взгляд вослед судьбе,
полет времен, полет строки,
слетающей звездой с руки,
и волка бег, и храп коня,
и этот плач, и смех, и песнь, —*

*стихо-творение и есть —
пойми меня!*

Валентина очень ценила талант Владимира Михайловича, стойко переносила его тяжелый характер. Они были две противоположности. Так описала Валентина одну из их размолвок:

*На дворе за окном холод и ветер.
Мы с тобою снова не вместе —
я в феврале, ты в весне или лете.
Дни у тебя те, у меня эти.*

*Я сижу и пишу стихи тихо,
ты на колесах мчишься лихо.
Ты на колесах мчишься мимо.
Я говорю: счастье — ты говоришь: мнимо.*

*Я говорю: холод — ты говоришь: лето.
Я говорю: песнь — ты говоришь: спета.
Я думаю тихо, ты думаешь громко...
И оба на льдине тонкой, тонкой.*

Однако она не только ценила талант художника, она понимала причину его мрачных настроений — тоску по России, его неприемлемость чужой страны, чужого языка. «...Владимира Михайловича можно считать трагической фигурой. Он не был приспособлен к жизни на Западе: так никогда не привык к ритму современного большого американского города, не привык к людям, живущим в нем... Он тосковал по русской природе и по времени своей юности, которое издали очень идеализировал», — вспоминала Валентина. Та же тяжелая тоска чувствовалась и в его работах. В Шаталову посвятила Валентина стихотворение, которое, по-моему, можно отнести к любому творцу, «у которого в пламени — тайна»:

*Снова, Мастер, в огне ты.
Не камин, не свеча, не очаг,
а костер. В нем сгорают приметы
вечеров и ночей, и рассветов,
вереницы беспечных обедов,
нарушение клятв и обетов.
Твой костер, твой заклятнейший враг,
у которого в пламени — тайна.*

Сбоку над диваном висела другая картина Владимира Шаталова «Детство Бориса» — одна из любимых работ художника. Володя жил с сыном и пожилой матерью. Борьку (как Валя называла его сына), Валя забрала к себе — ведь у мальчика не было матери.

У входа в дом висел портрет Вали работы Шаталова — вдохновенное, красивое лицо молодой женщины. Такие лица не забываются. В этот портрет вложил художник всю любовь, всю страсть к этой красивой и талантливой женщине, чувства, которые Владимир Шаталов пронес до последнего дня. Ей посвящал он стихи:

*Будильник... Семь тридцать утра.
Это твоё время. Из окна
полыхают сирени. День весь —
ты ещё здесь. Мы ещё здесь.
Ещё — в руке рука.
И синевой плывут облака.*

В 1987 году В. Шаталов создал один из своих лучших портретов — портрет Гоголя. На этом портрете художник изобразил Гоголя, напоминающего черную испуганную птицу. «А портрет Гоголя уже долгие годы висит у меня в гостиной. На голубом фоне — темная, плоская, стилизованная фигура, похожая и на птицу, и на надгробный памятник. Я считаю это произведение высоким творческим союзом: писатель, художник, поэт», — такими словами заканчивает Валентина свою статью о Владимире Шаталове. Увидев этот портрет, Иван Елагин написал о нем свое последнее стихотворение. Валя очень любила эту работу Шаталова:

*Портрет Гоголя работы
В. Шаталова*

К портрету Гоголя Владимира Шаталова

*Ничего я не знаю о Гоголе.
Только скрипы колес у глухого двора.
И волшебная птица на ветке. А много ли
колдовать, чтоб Диканька слетела с пера?*

*Так таинственно веет и веет Украйной.
Поворот головы — как будто пора
встрепенуться, взлететь — ведь поэзия тайна
птицы, не летавшей до середины Днепра.*

Владимир Михайлович Шаталов ушел из жизни первым. Он умер от рака в 2002 году. В воспоминаниях о нем Валентина писала: «К счастью, болезни долго его не мучили. Он довольно быстро скончался от рака лимфатических желез, не дожив двух месяцев до своего восьмидесятилетия».

«И строки напитать добром»

Кто-то в своих воспоминаниях назвал Валентину Синкевич Матерью Терезой. И не удивительно — она была человеком, творившим добро.

Рассказывая о Валентине Алексеевне, надо упомянуть, что она находилась в близком родстве с авиаконструктором Игорем Сикорским и была дружна с его

старшей дочерью Таней, которая часто навещала Валию. Жизнь Тани сложилась трагически — она росла без матери, а мачеха не желала присутствия в доме падчерицы. Когда я познакомилась с Татьяной Игоревной у Вали, она была уже немолодой женщиной, небольшого роста с бледным, усталым лицом, на котором лежала печать пережитого. Валентина ее очень жалела и сердечно относилась к своей родственнице. В книге воспоминаний Константина Федоровича Синькевича (так он писал свое имя) «Вне родины» есть фотография семьи Сикорских-Синькевичей, сделанная в 1968 году. В первом ряду, среди близких родственников, сидит Валентина Алексеевна. «В Америке мы встретились с Валентиной Синькевич, дочерью нашего младшего дяди Алеши, родившейся в Киеве в 1926 году. О ее рождении, мы, живя за границей, ничего не знали... С тех пор Валя стала бывать у нас...» (Из книги К. Синькевича).

Как-то раз, в холодный февральский день, проходя мимо русской церкви, у закрытых дверей она увидела сидящего на ступеньках одинокого юношу. Это был сын ее бывших знакомых. Их уже не было давно в живых, а брат выгнал больного юношу из дома. Гриша, так звали молодого человека, был психически нездоров. Валентина, не достучавшись до священника, привела продрогшего юношу домой. С тех пор Гриша долгие годы жил у Вали.

Так — мимо мертвого, не мимо больного.

Друг равнодушен. Равнодушны друзья.

Но под непрочным этим покровом

Приютились: больной и собака, и я.

Гриша много раз пытался покончить с собой, перерезал себе вены, уходил зимой из дома. Валя терпеливо переносила присутствие этого тяжелобольного юноши — жалела, как мать, как сестра так, как жалел бы только человек доброй, самоотверженной души. Я никогда не слышала от нее ни малейшей жалобы — она просто рассказывала о нем, как о члене своего маленького семейства (собаки, кошки и она). В дальнейшем ей удалось поместить Гришу в больницу, помочь получить пособие от государства и жить самостоятельно. Однако Валя продолжала помогать ему материально, и Гриша часто приходил к ней в гости. Его уже давно нет в живых, но остались стихи, навеянные его присутствием в ее тихом доме:

Больной глядит юноша

Скорбным монашечьим взглядом.

Я взгляд его выдержу —

пока молча сидит он рядом...

.....

Он сидит, будто жизнь свершила осечку,

будто нужны ей какие-то жертвы.

И мозг, будто воск на оплывшей свечке.

И будто юноша — мертвый.

Животных Валя любила так, как любят близких людей. В стихотворении «Плач по зверю» она говорит с умершим зверем, как с человеком:

*Огромный земной хлеб
Моей нежности,
кормивший тебя на земле,
горит.
И пепел стелется по травам.
Ты там, где меня нет...*

Если спросить, что было в ее жизни главным, то я думаю, что ответить на этот вопрос не трудно — поэзия, собаки и бездомные кошки, которых она постоянно кормила. Любовь к животным, как говорила Валя, перешла к ней от отца, как и любовь к книгам и поэзии, когда «стол был накрыт богатым яством книг».

Помочь беспомощному, нуждающемуся — было всегда для Валентины естественным порывом. Из своей небольшой зарплаты она выделяла деньги для отправки больному или умирающему поэту или для поддержки начинающего издаваться журнала. Добром были наполнены не только строки ее стихов — к добру стремилась ее душа. Сердце было наполнено состраданием к ближнему, поэтому помнить мы будем Валентину Алексеевну Синкевич не только как большого поэта, но и как человека, умевшего вместить в свое сердце боль других, нуждающихся в ее теплом слове, поощрении, помощи. Об этом рассказывает она сама в одном из своих поздних стихотворений:

*В тесном доме моем находят приют люди и звери,
книги с твоими картинками знают неведомую нам ворожбу.
Пусть говорят твои мысли, что в будущем ничего не будет.
Всё справедливо. И я благословляю свою судьбу.*

Валентина Алексеевна была не только замечательным поэтом, но и прекрасным эссеистом. В жизни ее было много незабываемых встреч с интересными людьми, многие из них стали ее близкими друзьями. О них, встретившихся на ее пути в трудные годы жизни на чужой земле, писала Валентина с благодарностью и теплотой. Строки ее воспоминаний «напитаны добром» к тем людям, с которыми связывала ее долголетняя дружба.

*Не растерять, а бережно собрать
всё то, что жизнь дарила,
рукою умною достать чернила
и на листе крылато написать стихотворенье.
И строки напитать добром, как мать,
которой дорого ее творенье.*

Всего она написала более 200 статей, напечатанных в журналах «Грани», «Континент», «Новый Журнал» и др. «... С благодарностью были» — так называется

*Последняя фотография
Валентины Синкевич*

ее первая книга литературных мемуаров, изданная в Москве в 2002 г. Следующая книга ее воспоминаний «Мои встречи. Русская литература Америки» вышла в России в 2010 году. В эти книги вошли статьи о Л. Ржевском, И. Елагине, Л. Алексеевой, Ю. Иваске, О. Анстей, Н. Моршене, И. Ильинском, В. Шаталове, Д. Бобышеве и о многих других.

Имея, в силу обстоятельств, только 6-классное образование, Валентина преподавала русскую литературу в американских университетах, до тех пор, пока она уже не могла передвигаться. У нее была изумительная память и глубокие знания, как русской, так и зарубежной литературы. Знаниями своими она щедро делилась со своими учениками.

Есть люди, которые своей жизнью и творчеством задели в Вас самую живую струну, стали духовно близкими друзьями и наставниками, показали путь к вдохновенному творчеству. Валентина Синкевич останется жить в памяти многих, кому посчастливилось соприкоснуться с ее творчеством и ее жизнью, отданной поэзии и друзьям до самого последнего вздоха.

Возможно, что я что-то упустила в своем рассказе об этой замечательной поэтессе и удивительном человеке, что-то стерлось из памяти, да и в небольшую статью не вложить всю прожитую ее долгую и трудную жизнь, но я надеюсь, что будущие историки литературы дополнят мой рассказ. Я уверена, что имя Валентины Синкевич займет достойное место среди российских литераторов.